

**РОССИЯ
В ПЕРЕЛОМНЫЙ
МОМЕНТ
ИСТОРИИ**

**Питер
Кенез**

КРАСНАЯ АТАКА БЕЛОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ

1917—1918

Питер Кенез

Красная атака, белое сопротивление. 1917-1918

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=614545

Красная атака, белое сопротивление. 1917-1918: Центрполиграф;

Москва; 2007

ISBN 978-5-9524-2748-8

Аннотация

Профессор Калифорнийского университета, историк Питер Кенез, на основе архивных данных, биографий и мемуаров выдающихся лидеров Белого движения написал книгу о Гражданской войне в России. Автор проводит детальное исследование и анализирует разные периоды Гражданской войны. Тщательно изучив исторические источники, Питер Кенез постарался дать объективную оценку одному из самых кровавых и трагических эпизодов в европейской истории.

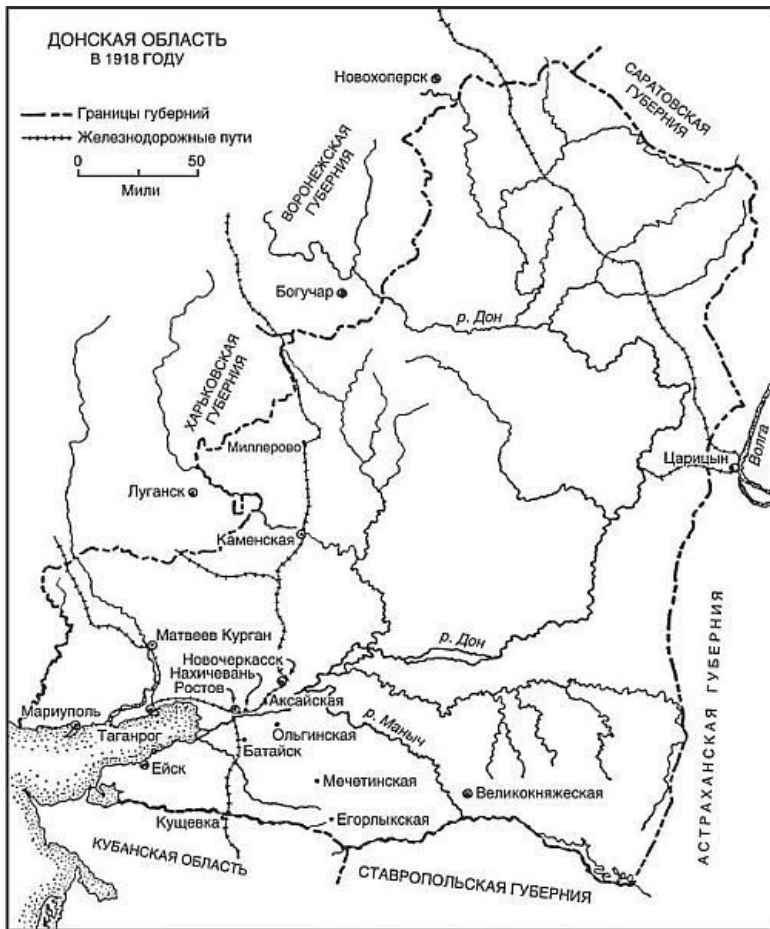
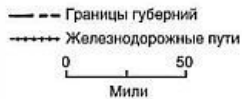
Содержание

Вступление	6
Глава 1	12
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Питер Кенез
Красная атака, белое
сопротивление. 1917–1918

*Посвящается Дороти Джей Долби с
восхищением и любовью*

ДОНСКАЯ ОБЛАСТЬ
В 1918 ГОДУ

Вступление

Самая лучшая книга о русской Гражданской войне «Русская революция», написанная Уильямом Генри Чамберленом, была опубликована в 1935 году. Это произведение осталось непревзойденным шедевром на эту тему на протяжении тридцати лет, доказывая, что Гражданской войне уделяли очень мало внимания за пределами Советского Союза, хотя этот предмет очень важен.

Советский Союз образовался в такой же степени в результате Гражданской войны, как и в результате революции 1917 года. Эти два события тесно связаны между собой, их нельзя рассматривать отдельно. В конце 1917 года очень немногие знали, кто такие большевики и чего они хотят, и даже сам Ленин и его последователи не имели четкого понятия о сущности будущей системы. Это было больше похоже на длинную и безжалостную войну, чем на заложение фундамента советского режима. Возможно, русский коммунизм развивался бы совсем по-другому, если бы не горькая реальность Гражданской войны, которая способствовала развитию некоторых черт, не имеющих ничего общего с марксистской идеологией.

Если отложить в сторону исторические предпосылки Гражданской войны, то она также представляет собой интерес с точки зрения внутренних особенностей. Страна раз-

валилась, и фактически в каждой деревне была своя гражданская война, зачастую не имеющая никакого отношения к идеологии красных и белых. Огромное количество разнообразных социалистических и консервативных идеологий, взаимно исключают националистические требования к людям, живущим на территории Российской империи, иностранная интервенция – все это повлияло на конечный результат. В этот период беспорядка политические учреждения пришли в полный упадок, ценности цивилизованного общества практически исчезли, и в некотором отношении страна распалась на части, из которых была создана раньше. Современная европейская история не может привести большего примера анархии и ее влияния на политику и поведение людей.

Сложность Гражданской войны, которая делает ее интереснейшим предметом, также создает трудности с точки зрения ее исторического изучения. Именно это и является причиной того, что эту тему игнорировали западные историки. Понимание Гражданской войны не может прийти, пока не будет проведено детальное изучение разных периодов. Необходимо уделить особое внимание всем или наиболее важным событиям во всех областях. Тщательное рассмотрение одной части России, а затем сравнение с целой страной, возможно, будет наилучшим способом вникнуть во многие нюансы, и нам удастся свести проблемы Гражданской войны к простой формуле.

Южная Россия является прекрасным объектом для такого изучения, так как она является микрокосмом, на примере которого можно увидеть все болезни России, на территории которой происходили важные события. Именно здесь началась и закончилась Гражданская война, здесь белые понесли значительные потери в сражениях. Именно в этой области иностранная интервенция имела такое огромное значение, как нигде больше. И возможно, именно здесь, больше чем где-либо, антибольшевистское движение страдало от разногласий и самостийных требований национальных меньшинств.

Исход Гражданской войны в Южной России, как и в других областях, был определен сражением местных и национальных сил. Цель нашего исследования – проанализировать эти силы и их отношения между собой.

Главными актерами нашей драмы были офицеры царской армии, пришедшие на Дон и Кубань, чтобы взять в руки оружие и восстать против режима Ленина. Их выбор был по большей части случайным, все их мысли были сконцентрированы на Москве и Петрограде. Кто были эти офицеры, почему они решили сопротивляться советскому режиму и как они представляли себе будущее России, остается главным вопросом Гражданской войны.

Офицеры сформировали главный штаб антибольшевистского движения и в прямом и в переносном смысле. Они сыграли свою роль, хотя их было очень мало, они захвати-

ли военное и политическое лидерство, они стали тем ядром, вокруг которого антисоветские группировки могли объединиться. Хотя сами по себе они были беспомощны. Не важно, какими бы героями ни были эти несколько тысяч мужчин, большевики разбили бы их без лишних сложностей. К лету 1918 года большинство белой армии состояло из казаков. Казаки мало заботились об остальной России, для них Гражданская война была войной с неказацкими крестьянами. Между офицерами и казаками общие интересы существовали лишь частично, поэтому две стороны никогда до конца не понимали друг друга. Факт разногласий в белом лагере является ключом к пониманию Гражданской войны.

Роль союзников мы рассмотрим только для того, чтобы понять генезис Добровольческой армии. Иностранная интервенция – это единственный аспект Гражданской войны, которому как западные, так и советские историки уделили достаточно внимания. Причины этого понятны: они хотели преподнести историю большевиков как победу не только над внутренними врагами, но также и над «мировым империализмом». Оценивая в разное время немцев, французов, англичан и американцев как реальную силу, стоящую за Белым движением, они хотели решить политические задачи, что, конечно, не имеет ничего общего с поиском исторической правды. А интерес западных историков к участию своих соотечественников в чужой Гражданской войне тоже легко понять. Таким образом, рассматривая сложную ситуацию

только с одной точки зрения, западные историки поступили очень неразумно – у обычного читателя могло создаться впечатление, что война развернулась между русскими и нерусскими. Такой вывод, безусловно, неверный.

Начинать обсуждение – очень сложная задача. Очевидно, события на юге происходили в национальном и даже международном контексте. Добровольческая армия оказала огромное влияние на ход Гражданской войны на Украине и в Крыму, и, чтобы оценить это влияние, необходимо тщательное изучение некоторых событий. Так же, чтобы составить мнение о выступлении белых, нужно иметь представление о стратегии и подготовке Красной армии.

Эта книга посвящена первому году Гражданской войны, периоду ее начальной стадии, рассмотрения альтернатив, импровизаций и больших разочарований. Конец войны в Европе изменил характер сражений в России. Иностранные союзники получили доступ к портам Черного моря и смогли влиять на характер военных операций. Но, что наиболее важно, взгляды участников тоже изменились. Не только европейцы, но и белые считали большевиков немецкими агентами и расценивали войну в России как продолжение мировой. Теперь Добровольческая армия должна была пересмотреть свои *raison d'etre*.¹

Поражение Германии повлекло за собой вывод ее войск с оккупированных русских территорий. Масштабы войны из-

¹ Разумное основание, смысл (*фр.*).

менялись. Добровольческая армия росла, зона военных действий расширялась, но самое значительное качественное изменение произошло в конце 1918 года.

Глава 1

DRAMATIQUE PERSONNAGE:²

ОФИЦЕРЫ И КАЗАКИ

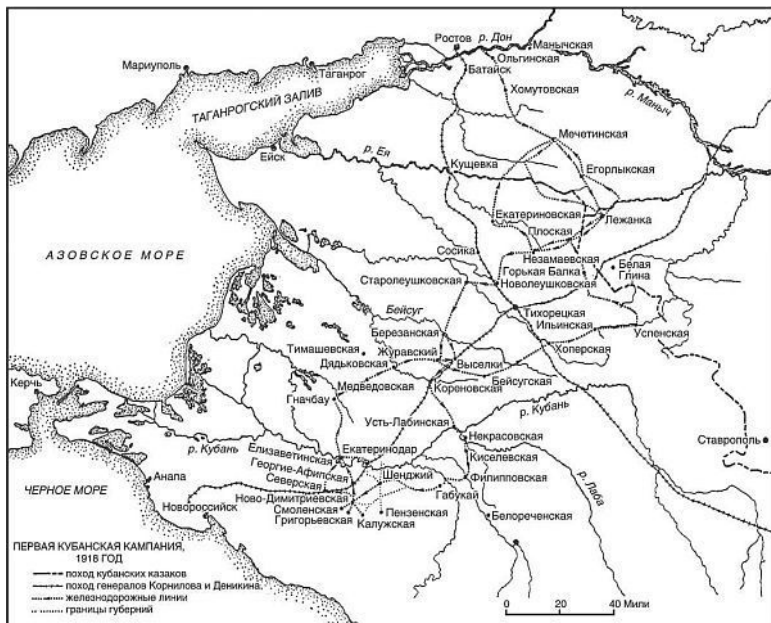
1917 год

Русская революция в феврале 1917 года началась внезапно, как и подобает великим революциям. Неорганизованная толпа, разозленная лишениями, которые ей пришлось переносить из-за войны, с удивительной легкостью сбросила династию Романовых, правившую на протяжении трехсот лет. Правительство пало практически без сопротивления, так как оказалось изолированным от общественности и не могло ни успокоить, ни подавить оппозицию, которая, не опасаясь, открыто заявляла о полной некомпетентности правящей верхушки. Николай II, последний царь, не мог, да и не хотел решительных перемен. Последнее русское императорское правительство определенно не отвечало требованиям момента и точно было не в состоянии справиться с проблемами, вызванными войной.

Революцию, которую уже давно ждали, хотя, может, и не в

² Действующие лица (*фр.*).

такой форме, встретили с большим энтузиазмом и оптимизмом. Народ верил, что это поможет навести порядок, что все болезни страны исчезнут как по волшебству, как только самодержавие будет свергнуто. Русские даже перенесли часть своего энтузиазма на войну, казалось, немцы не могут противостоять народу, сражающемуся за свободу своей страны. В течение короткого периода вся страна наслаждалась хоть и не истинным объединением, то, по крайней мере, его зарождением.

Враги самодержавия, состоящие из либералов, сидящих в Думе, и социалистов, действующих большей частью в подполье, унаследовали власть и авторитет. В своих взглядах на демократию либералы и социалисты имели много общего, и это служило хорошим предзнаменованием. На какое-то время они получили полный контроль над ситуацией. Монархические законы были отменены, так как царизм рухнул и все оказалось в полном беспорядке, без ясной политической программы. Также появились левозэкстремистские партии, представляющие большую опасность. В то время в России сторонники большевиков не имели большинства.

Императорская Дума 4-го созыва не подчинилась приказам царя разойтись и избрала Исполнительный комитет, который, в свою очередь, получил название Временное правительство. В сложившейся революционной ситуации такое правительство являлось представителем народа и незамедлительно стало считаться преемником прежнего режима, как дома, так и за границей. В новом правительстве доминировали представители Конституционно-демократической партии (кадеты), придерживающиеся умеренных и либеральных взглядов в политике, поддерживающие принципы конституционной формы правления на негостеприимной русской почве. Партия кадетов гордилась поддержкой большинства российских квалифицированных специалистов, буржуазии и некоторых дворян, свободных от предрассудков. Главной

фигурой партии являлся не Г. Е. Львов, всегда держащийся в тени, а министр иностранных дел П. Н. Милюков, известный кадетский лидер, историк и публицист. Правительство также поддерживали октябристы, партия демократических реформ, взявшая в качестве названия дату издания (17 октября 1905 г.) царского манифеста, который ограничил власть самодержавия. Член этой партии А. И. Гучков, предприниматель и бывший председатель Думы, являлся единственным лидером октябристов.

Таким образом, Временное правительство не было безоговорочным хозяином положения. Даже до его создания существовали Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Он был образован очень быстро и являлся наследием революции 1905 года, в которой ведущие роли принадлежали рабочим, крестьянам и солдатам. Хотя Совет в столице и был самым важным, вскоре образовались другие Советы по всей стране, на заводах, в деревнях и в воинских частях. Они создавались преимущественно социалистами, представителями интеллигенции, борющимися за права рабочих и крестьян. Самой крупной партией в Совете была партия социалистов-революционеров, опиравшаяся на крестьянские массы. Социально-демократическая партия делилась на два крыла: на умеренных меньшевиков и радикальных большевиков. Петроградский Совет и Временное правительство взаимодействовали через А. Ф. Керенского, занимавшего пост министра юстиции.

Вскоре стало очевидно, что такая ситуация недопустима, умеренные, социалисты и либералы не могли управлять страной как эффективное правительство. Они провалились не потому, что совершили много ошибок (которые, без сомнения, имели место быть), не потому, что были плохими политиками (хотя некоторые из них, может, и были), а потому, что их философия была неуместна в России в 1917 году. Возможно, они смогли бы управлять страной, если бы не война, но в этом случае царя могли и вовсе не свергнуть. То, что привело умеренных к победе, также и явилось причиной их поражения: неразрешимые проблемы страны, вовлеченной в современную войну.

Система, при которой Временное правительство поделило власть с Советом, получила название – двоевластие. Хотя это не совсем правильно, так как Временное правительство несло всю ответственность, в то время как реальная власть была в руках лидеров Совета, которые могли наложить вето на любой закон, предложенный Временным правительством. Это объяснялось тем, что Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов всегда мог призвать на помощь рабочих и солдат для того, чтобы продемонстрировать свою силу. Таким образом, Временное правительство обладало несравнимо меньшим влиянием и поэтому зависело от политиков-социалистов. А социалисты, в свою очередь, тоже относились к этой власти неоднозначно. С одной стороны, они были довольны ею, а с другой – боялись ответ-

ственности. Так как ситуация усугублялась, солдаты и рабочие стали мыслить более радикально, то лидеры Совета были вынуждены принять наиболее радикальную программу, чтобы не потерять своих многочисленных сторонников. Радикализм Совета сделал работу Временного правительства невозможной, и социалисты, сделав неправильные выводы, взяли управление страной в свои руки.

Из всех проблем, что волновали общественность, таких как земельная реформа и какое правительство должно быть в России, самой важной была война. Патриотический энтузиазм, возникший после Февральской революции, оказался недолгим. Крестьяне, одетые в солдатские шинели, устали сражаться: война длилась уже в течение трех лет без видимых результатов, принося им страдания ради великих целей, которые они смутно понимали. Концепция российских национальных интересов была понятна лишь Временному правительству, средним и высшим классам и интеллигенции, которые считали, что Россия должна оставаться верной своим союзникам. Политики понимали глубину недовольства войной так же плохо, как и царское правительство – настроение народа.

История периода Временного правительства была историей серии кризисов и растущего напряжения. Правительство теряло контроль, анархия распространялась на все сферы национальной жизни, и вскоре стало очевидно, что национальное единение после Февральской революции оказалось про-

сто иллюзией.

Первые беспорядки произошли в мае, когда демонстранты вышли на улицы Петрограда, выступая против политики Милюкова за продолжение войны до победы. Петроградский Совет, поддерживающий демонстрацию, требовал отставки не только Милюкова, но и Гучкова. Новое правительство, где Керенский стал военным и морским министром, включало несколько социалистов и выступало за продолжение войны.

Второй всплеск недовольств был вызван ошибкой Керенского, который одобрил решение Генерального штаба об июльском наступлении. Желание Керенского активных военных действий было частично мотивировано уверенностью, что военные победы остановят процесс распада. Но провал наступления российской армии, который можно было предугадать, привел к демонстрациям и уличным беспорядкам не только в Петрограде, но и по всей стране. На этот раз правительство смогло использовать представившуюся возможность, заключив в тюрьму нескольких видных большевиков, замеченных в июльских событиях.

21 июля Керенский стал министром-председателем Временного правительства. Он созвал (8–10 августа) в Москве совещание, в котором участвовали все крупные партии правого толка. Но усилия достичь объединения не увенчались успехом из-за мятежа Корнилова, пытавшегося сместить Временное правительство и разрушить систему Советов. Керенский смог помешать своему главнокомандующему, лишь

прибегнув к помощи Советов. Правительству удалось победить сначала левых, затем правых, но достигло оно этого ценой потери их поддержки. Правительство стало таким слабым, что, когда большевики недвусмысленно заявили о своем намерении захватить власть в октябре, оно ничего не смогло предпринять против них. Временное правительство исчезло, так же как и царское несколько месяцев до этого.

Было очевидно, что либеральный и демократический режимы провалились, они не смогли справиться с многочисленными проблемами России. Таким образом, зародились силы, которые должны были сражаться в трехлетней войне. Причины роста правых и левых тесно взаимосвязаны. Большевики собрали последователей, подчеркивая опасность военной контрреволюции и обвиняя правительство в неспособности препятствовать ей. Военные, с одной стороны, оправдывали свой мятеж, упрекая большевиков в предательстве во времена войны, во влиянии большевиков на Советы и на Временное правительство.

До возвращения Ленина из Швейцарии в апреле маленькая группа большевиков в Петрограде не очень отличалась от марксистских коллег, меньшевиков. Наоборот, некоторые большевики искали возможность преодолеть трещину, появившуюся в 1903 году. В первые недели большевики не были против Временного правительства, потому что, как и меньшевики, верили, что Россия еще не созрела для социалистической революции, и не могли предложить другую аль-

тернативу тому, что наблюдали как буржуазный режим. Когда Ленин предложил новую радикальную программу, он пережил тяжелое время, убеждая своих последователей в правильности своего решения.

Сущность ленинского понимания политической ситуации была в том, что революция могла и должна была стать «глубокой», и тогда бы не существовало никаких компромиссов с буржуазией. Это значило, что большевики должны бороться с системой двойной власти и выступать за то, чтобы вся власть принадлежала Советам. Взгляды Ленина могли быть ошибочны с точки зрения марксистской идеологии, но он больше думал о власти, чем о чистоте доктрины. Когда Ленин убедил своих последователей в том, что целью партии должна быть власть, большевики все еще были в меньшинстве не только в стране, но и в Советах. Поэтому взять власть можно было, только приобретая новых последователей и союзников. Привлекая солдат и крестьян на свою сторону, он пообещал им то, чего они хотели: землю и мир. Без колебаний Ленин адаптировал аграрную платформу партии социалистов-революционеров, которую он, как и большинство марксистов, называл раньше буржуазной, так как она признавала личную собственность у крестьян. В прошлом большевики продвигали идею национализации, а не раздачу земель. Летом 1917 года насильственный захват помещичьих земель крестьянами стал происходить все чаще и чаще, большевики поддерживали крестьян и приветствовали распро-

странение анархии.

Открытое порицание Лениным войны было политически весьма выгодным. Недовольство затянувшейся войной становилось все сильнее, и большевики были единственными выступавшими за немедленное ее прекращение. Для Ленина уже не было обратного хода. С 1914 года он пропагандировал превращение империалистической войны в гражданскую. Он считал себя сторонником мировой революции. Без колебаний он принял помощь Германии, которая способствовала его возвращению из эмиграции, а также оказала финансовую поддержку его партии.³

Ему казалось, что временные интересы Германской империи и вечные чаяния мирового пролетариата будут улажены новой революцией в России. Он думал, что события в России станут началом цепной реакции революций по всему миру, поэтому немецкое содействие не имело для него большого значения.

Этот аспект тактики Ленина определил взгляд его оппонентов на большевизм. Для многих россиян сотрудничество с врагом в годы войны выглядело государственной изменой. В 1917 году,⁴ в первый год Гражданской войны, антиболь-

³ Мнение, что Германия оказала финансовую поддержку большевикам, всегда было спорным. Ленин всегда отрицал это, и советские историки никогда не противоречили Ленину. Сегодня, после открытия архивов при немецком министерстве иностранных дел, без сомнений понятно, что фактически большевиков поддерживали враги их страны. *(Примеч. авт.)*

⁴ Ошибка автора. Гражданская война началась в 1918 г. Закончилась в 1920 г.

шевистское движение было склонно смотреть на большевиков не как на утопистов и социалистов-мечтателей, а как на купленных немецких агентов. Для них война с немцами на фронте и борьба с большевиками в городах России были одним и тем же.

Энергичные действия правительства против большевиков, последовавшие за июльскими днями, моментально ослабили большевистских последователей. После провала Корниловского мятежа им удалось в первое время переманить на свою сторону решающее большинство в Московском и Петроградском Советах. С этого времени распад Временного правительства стал вопросом времени. 25 октября Ленин в конце концов достиг своей цели.

Армия и революция

Анархия распространялась, и опасность, что шатающееся Временное правительство рухнет, росла. Зародилась правая оппозиция, организованная офицерами.⁵

(Примеч. ред.)

⁵Трудно найти достоверные факты, чтобы описать антибольшевистскую сторону Гражданской войны. Офицеры часто называли себя контрреволюционерами, но в современном мире это слово носит негативную окраску. Также продолжают споры, логично ли вообще употреблять этот термин. Для советских историков это не проблема. Согласно их интерпретации, настоящая революция произошла в октябре 1917 г., и все те, кто был против нее, – контрреволюционеры по определению. С другой стороны, если существует мнение, что революция произошла

Те же самые люди, которые хотели уничтожить Советы и свергнуть Временное правительство в 1917 году, оказались единственными, кто был способен организовать Добровольческую армию и возглавить антибольшевистское сопротивление в Южной России во время Гражданской войны. Для них события 25 октября не были переломным моментом, они этого ожидали, и для них это стало всего лишь поводом сменить тактику в продолжающейся войне. Особые черты русского офицерского корпуса, неожиданные обстоятельства периода начала войны оставили свой отпечаток на всей Гражданской войне.

Когда офицеры оказались в окопах Первой мировой войны, русская армия существовала по военным законам 1874 года, которые составляли важнейшую часть Великих реформ правления Александра II. Реформы ввели воинскую обязанность для всех, несмотря на социальный статус.

Внедрение принципов универсальной военной службы было большим шагом на пути к созданию современного общества в России, что являлось необходимым для обороноспособности страны. Но закон о всеобщей воинской повинности сам по себе не мог сделать русскую армию такой же эффективной, как европейские. Эта реформа была частич-

в феврале, то все враги политического режима, рожденные этой революцией, как офицеры, так и большевики, должны называться контрреволюционерами. Чтобы избежать сложностей, мы будем использовать безобидный термин «белые». Определения «белые» и «красные» стали быстро использоваться обеими сторонами после вспышки Гражданской войны. *(Примеч. авт.)*

ной, так как демократические принципы законопроекта не были реализованы всецело. Мужчины из верхних слоев общества могли найти множество путей, чтобы избежать службы в армии, а если все-таки и служили, то очень недолгое время. Главной причиной слабости армии была отсталость самой России. У крестьян не было опыта обращения с современной техникой, несколько заводов не могли производить достаточно военного оборудования, а транспортная система страны не ограничивала военные перевозки.

Русская аристократия XIX века не демонстрировала такой же заинтересованности в военной карьере, как немецкая или французская; карьера в армии и жизнь в высшем обществе не была одинаковой в глазах общественности, и офицеры не пользовались авторитетом. Также они получали настолько маленькое жалованье, что Деникин называл их «интеллигентным пролетариатом». Низкий уровень жизни, небольшие привилегии и антивоенные настроения интеллигенции сделали призыв в армию таким сложным, что там никогда не было достаточно офицеров. Согласно британскому военному атташе в России, сэру Альфреду Ноксу, в январе 1910 года существовало 5,123 свободной командной вакансии. Ситуация немного улучшилась в годы, предшествующие войне, но в июле 1914 года некомплект оценивался в 3 тысячи человек.

Вечная нехватка офицеров дала возможность мужчинам из низших классов подняться вверх и в русской армии об-

рести социальную стабильность. Армия также привлекала сыновей солдат, которые тоже могли дослужиться до высоких постов. Сословная разношерстность офицерского корпуса была очевидна. Наблюдатели часто удивляются тому, что главные основатели Добровольческой армии, генералы М. В. Алексеев, Л. Г. Корнилов, А. И. Деникин, происходили из бедных семей. В этом нет ничего удивительного, если подумать, что при царе также были десятки других с похожим происхождением. Факт, что лидеры Белого движения не были аристократами, мог иметь огромное значение для Гражданской войны. Корнилов и Деникин могли воззвать к крестьянам, делая упор на свое происхождение.⁶

То, что это не удалось и позволило большевикам представить их как эксплуатирующий класс, было очень весомым первым политическим промахом Белого движения.

Те офицеры, что происходили из бедных семей, вскоре перестали иметь что-либо общее с обычными невежественными крестьянами, из которых состояла армия. Как командиры, они должны были обучать солдат, но это обучение было очень поверхностным во времена царской России. Устройство армии способствовало тому, что простые люди и офицеры жили как будто в разных мирах. Офицеры и солдатская масса искусственно разделялись. Офицеры часто уни-

⁶ Корнилов сделал несколько таких попыток. В обращении к русскому народу 27 августа он написал: «Я, генерал Корнилов, сын казацкого крестьянина, объявляю для всех и каждого, что я ничего не хочу для себя, кроме сохранения великой России». (Примеч. авт.)

жали своих подчиненных, которые в свою очередь питали ненависть к ним, что и вылилось в восстание 1917 года.

Пока армия обладала высокой подвижностью, было бы преувеличением говорить, что социальные особенности и связи были не важны для быстрого успеха. Императорскую гвардию, например, берегли для того, чтобы дать жизнь новому поколению аристократии. Служба в гвардии была более приятной, чем в армейских частях, и продвигалась гораздо быстрее. Понятно, что некоторых это возмущало. Враждебность между гвардией и армейскими офицерами была настолько сильна, что пережила даже революцию 1917 года. В антибольшевистской армии Деникина гвардейцы все так же продолжали получать привилегии, что порождало ненависть и зависть у их оппонентов.

Уровень подготовки офицеров активно повышался в первое десятилетие до войны.

Николаевская академия Генерального штаба давала высшее военное образование в России. Академия была основана, как и многие военные учреждения в России, по немецкому образцу. Только лучшие офицеры, после нескольких лет службы в полку, могли поступить в эту академию. Ежегодно из 150 выпускников только 50 лучших получали назначение в Генеральный штаб, а остальные отправлялись в свои полки. Практически все главнокомандующие русской армией во времена мировой войны и Добровольческой армией были выпускниками Академии Генерального штаба. Эти

выпускники поддерживали кастовый дух и берегли важные командные посты для следующих выпускников. Безусловно, офицеры Генерального штаба были наиболее талантливыми в русской армии, тем не менее другие офицеры завидовали их быстрому продвижению по службе. Так как многие высокие посты были заняты офицерами из Генерального штаба или гвардии, армейские офицеры чувствовали себя обделенными.

Помимо военных предметов, в училищах Академии Генерального штаба изучали множество других дисциплин, в том числе историю и литературу. Строгий режим того времени прилагал огромные усилия, чтобы предотвратить распространение антиправительственных идей в военных организациях, иногда это доходило до абсурда. Например, в юнкерских училищах современная русская литература не преподавалась, так как ее идеи считались идеологически опасными.

Несмотря на тот факт, что в военных учебных заведениях училась молодежь из тех же социальных слоев, что и в других образовательных учреждениях, и изучали они примерно те же предметы, атмосфера в них была иной. В то время термин «интеллигенция» не был синонимом радикализма, но тем не менее интерес среди студентов к социальным и политическим проблемам был очень высок, и революционная и антимоноархистская агитация играла в студенческой жизни важную роль. Конечно, для этой агитации не было места в

военной среде.

Было бы неправильно утверждать, что офицерам прививался дух легитимизма или правой идеологии: они были политически пассивны. Деникин, проницательный и сочувствующий наблюдатель, писал:

«Эти молодые люди [офицеры] пытались преодолеть все мировые проблемы, но делали это очень простым способом. С незапамятных времен они усвоили базовые вещи... Система ценностей для офицеров была predeterminedена как непоколебимый факт, не вызывающий ни сомнений, ни разногласий. „За веру, царя и отечество“. Часто это превращалось в анекдоты, часто правдивые, но не ставящие под угрозу саму идею. Отечество воспринималось с пылкостью и страстностью, как единый организм, включающий в себя страну и людей, без анализа, знания его жизни, без копания в темных глубинах его интересов... Молодых офицеров едва ли интересовали социальные вопросы, которые они считали чем-то странным и скучным. В жизни они их просто не замечали; в книгах страницы, касающиеся социальных прав, с раздражением переворачивались, воспринимались как нечто, мешающее развитию сюжета... Хотя, в общем, и читали они не много».

Разногласия между офицерским корпусом и радикальной и либеральной интеллигенцией, которые продолжались десятилетиями, усугубились во время войны и революции, на-

нося вред всем сторонам, а также были нерациональными и абсолютно ненужными. Это явилось результатом не столько различной идеологии и целей, так как офицеров мало интересовала политика, а скорее результатом предубеждений и недопонимания. Интеллигенция, хорошо знакомая с западноевропейской историей, провела неправильную параллель между русскими и европейскими офицерами. Так как немецкие и французские офицеры часто бывали политически активны, интеллигенция относилась к пассивным русским офицерам с недоверием. Военные люди не выносили этого и оплачивали тем же. Офицеры, недолюбливая интеллигенцию, неодобрительно относились к политике вообще. Недостаток элементарного понимания политических проблем и недоверие к политикам – вот что характеризует каждое действие руководства Белого движения во время Гражданской войны. Результат оказался пугающим.

Два месяца спустя после начала войны, в октябре 1914 года, русская армия насчитывала 2 миллиона 711 тысяч солдат и 38 тысяч офицеров. К маю 1917 года их число возросло до 7 292 600 солдат и 133 тысячи офицеров. Потери армии были гигантские: согласно оценке генерала Н. Н. Головина, количество захваченных в плен, раненых и убитых было 7 миллионов 917 тысяч; из них 107 тысяч офицеров. Из этих данных видно, что состав армии и офицерского корпуса сильно изменился во время войны. В кампаниях 1914 и 1915 годов большая часть офицеров выбыла из строя: весной 1915

года только одна треть офицеров из кадровой армии служила в пехоте. Офицеры запаса и солдаты, в основном образованные, прошедшие ускоренное обучение, пополнили офицерский корпус, осуществив необходимую замену убитых и раненых. Запасные офицеры получили неполную подготовку перед войной, одного года действительной службы было достаточно для того, чтобы стать офицером.

Новые офицеры в огромной мере впитали в себя дух офицерского корпуса. Генералы, задающие тон, происходили из кадровых командиров. Но большой наплыв новых людей внес эмоциональные изменения в настроение офицерского корпуса. Эти люди были ближе к образованному обществу и обладали иным командным духом. Когда генералы влезли в политическую авантюру в период Временного правительства, новые офицеры не изъявили большого желания последовать за ними. Лидеры антибольшевистской армии во время Гражданской войны пожинали плоды офицерского разочарования: немногие, ставшие офицерами после 1914 года, хотели воевать под началом Алексеева и Корнилова. Возможно, одним объяснением этого нежелания является недостаток единства и сплоченности офицерского корпуса, появившийся в ходе войны и после революции.

Очень сложно оценить качество военной подготовки русских офицеров по итогам действий армии в мировой войне. Когда русская армия встретилась с немецкой, такой же по численности, она потерпела поражение. Очевидно, что

качество командования являлось только одним фактором, и точно не самым главным, повлиявшим на исход сражения. Недостаток оружия, невысокая подготовка русских солдат (которые часто не могли справиться с элементарными машинами) и огромные проблемы материально-технического обеспечения помешали бы любому гениальному тактику справиться с немецкой армией.

Офицеры из Верховного командования приняли Февральскую революцию с неожиданным хладнокровием. Генерал М. В. Алексеев,⁷ начальник штаба Верховного главноко-

⁷ Михаил Васильевич Алексеев, сын сверхсрочнослужащего солдата, родился в 1857 г. После окончания офицерской школы был назначен младшим офицером в 1876 г. и получил первый боевой опыт в Турецкой кампании в 1877–1878 гг. Алексеев сдал экзамены и поступил в Академию Генерального штаба только в 1893 г., но вскоре смог отличиться и в 1896 г. стал преподавать в этом престижном учреждении. Во времена Русско-японской войны служил начальником (хозяйственного) снабжения 3-й дивизии. После окончания войны вернулся в академию в качестве профессора военной истории. С началом мировой войны стал начальником штаба Н. И. Иванова, главнокомандующего Юго-Западным фронтом. Иванов, добрый и скромный, практически полностью попал под влияние энергичного начальника штаба. Когда 5 сентября 1915 г. сам царь занял пост главнокомандующего, то выбрал Алексеева начальником своего штаба. Николай, не имеющий никакого военного опыта, конечно, не мог руководить невероятно сложно устроенной армией из нескольких миллионов человек, и вся непосредственная ответственность легла на плечи Алексеева. Алексеев не был готов к такому сложному делу. Он понял, что теоретических военных знаний не хватает для того, чтобы руководить огромной армией, и что политические аспекты иногда бывают гораздо важнее военных. Сын бедного солдата оказался чужаком в высших кругах, но, находясь на таком посту, Алексеев доказал сам себе, что является человеком незаурядного ума, что его советы царю часто выходили за пределы чисто военных вопросов. Также Алексеев пытался нейтрализовать влияние

мандующего (1915–1917), помог убедить своего монарха отречься от престола.

Главкомандующие пятью фронтами – великий князь Николай Николаевич, генералы А. Е. Эверт, В. В. Сахаров, Н. В. Рузский и А. А. Брусилов – поддержали Алексеева. Генерал Л. Г. Корнилов,⁸ назначенный, одним из последних

Распутина. *(Примеч. авт.)*

⁸ Лавр Георгиевич Корнилов родился в Усть-Каменогорске в 1870 г. В его венах текло немного казахской крови, что и повлияло на некоторые черты его характера. Он всегда гордился своими восточными корнями, и Восток действительно сыграл в его жизни важную роль. Его отец был казаком, дослужившимся до звания офицера, но его жалованье было настолько мало, что ему пришлось оставить службу и работать в местной администрации, чтобы прокормить свою большую семью. Лавр Георгиевич закончил офицерскую школу и служил в Туркестане перед тем, как поступить в Академию Генерального штаба в 1885 г. Позже он вернулся на Восток и принял участие в нескольких разведывательных экспедициях: летом 1899 г. он исследовал область китайского Туркестана и некоторые провинции Персии. С 1907 по 1911 г. Корнилов служил военным атташе в Китае, а в разгар мировой войны он командовал частью в 8-й дивизии Брусилова. Корнилов обладал необычной смелостью, которая вдохновляла его солдат, и харизмой, но был очень непокорный. Вскоре после начала войны, 10 сентября 1914 г., не подчинившись приказу, он не отступил, и его непослушание поставило под угрозу всю 8-ю дивизию. Три месяца спустя, без разрешения и предварительного плана, он провел вылазку, в результате которой потерял пленными 2 тысячи человек. Весной 1915 г., опять не подчинившись приказу, Корнилов не отвел войска и был ранен и захвачен в плен. Осенью 1916 г. он заслужил народное признание, так как стал первым русским генералом, сбежавшим из вражеского плена. Удачная попытка побега сделала его одним из героев войны: его принял император и наградил его орденом Святого Георгия 3-й степени. 15 марта 1917 г., на сессии Думы, Родзянко назначил Корнилова командующим Петроградским военным округом. Одним из последних деяний царя было одобрение этого назначения. *(Примеч. авт.)*

указов царя, командующим Петроградским военным округом, продемонстрировал мало преданности императорской семье: наделенный большой властью, именно он произвел арест царицы.

Единство Верховного командования в решении отказаться от противостояния было серьезным: только генерал граф Келлер и хан Нахичеванский, два командующих корпусами, предложили своим войскам подавить революцию. После победы революции генерал Келлер предпочел уйти в отставку, а не присягать Временному правительству.

Несмотря на известные монархические настроения, офицеры приняли революцию. И сделали они это не из-за республиканских убеждений. Попытка подавить революцию ради непопулярной императорской семьи противоречила их понятию патриотизма, так как они верили, что гражданская война, которая была бы неизбежна, уничтожила бы способность России противостоять внешним врагам. Они пожертвовали царем, чтобы продолжать войну.

Если бы царь решил продолжать борьбу, то, возможно, нашлось бы много офицеров, поддержавших его, даже если бы противостояние было неизбежным. Но царь принял новый режим спокойнее. После отречения от престола он обратился к своим войскам так:

«Выполняйте свой долг, защищайте наше великое Отечество, подчиняйтесь своему командованию, слушайте Временное правительство. Помните, что

пренебрежение дисциплиной играет на руку нашим врагам».

Несмотря на быстрое принятие офицерами революционных изменений, перспективы удачного сотрудничества между ними и новым режимом сначала были очень туманными. Недолюбливая офицеров, социалистические лидеры Советов, имеющие большое влияние на Временное правительство, рассматривали саму революцию как достояние. «Революционные демократы», так они сами себя называли, верили в две вещи: в продолжение войны и в гениальную социальную и политическую революцию. Они хотели преобразовать армию, следуя демократическим принципам. И в этом преобразовании они надеялись найти лекарство от всех болезней армии, которые становились все более и более очевидными. Они наивно полагали, что русские солдаты, став свободными, будут воевать лучше. С другой стороны, офицеры сразу забыли, что дезорганизация армии была и до начала войны, и обвинили в этом новый режим. Каждое проявление несостоятельности армии они воспринимали как доказательство губительного влияния новых реформ. Каждый, кто воспринимал свержение монархии как необходимую цену за успешное продолжение войны, почувствовал себя обманутым. Так как состояние армии ухудшалось, отношения между офицерами и представителями нового режима усугублялись взаимными обвинениями.

За день до отречения Николая, 14 марта, Петроградский

Совет рабочих и солдатских депутатов издал приказ № 1. Хотя приказ относился только к петроградским гарнизонам, его непосредственное влияние ощутила на себе вся армия. Приказ объявил, что в политических выступлениях воинские части подчиняются не офицерам, а Советам, в армии отменяются сословные титулы офицеров, вводится выборность командиров, солдатам предоставляются гражданские политические права, в ротах, полках создаются солдатские комитеты. Он позволял солдатам подчиняться приказам Военной комиссии Государственной думы, только если они не противоречат приказам Петроградского Совета (Временное правительство в то время еще не было сформировано).

Из всех проектов Петроградского Совета этот был самым сомнительным. Троцкий назвал его «единственным достойным документом Февральской революции», в то время как офицеры считали, что публикация этого приказа будет способствовать разрушению армии. Значение этого документа все же преувеличено. Без сомнения, весь он пронизан духом неприязни к офицерам. И во время революционных событий в Петрограде офицеры просто-напросто потеряли контроль над своими солдатами и не могли восстановить авторитет. Никто не мог этого сделать за них.

Приказ № 1 был только первым шагом изменения порядка в армии, за ним вскоре последовали другие. 28 марта обнародована Декларация о правах солдат, заканчивающаяся следующим: офицеры потеряли право иметь денщика, а пра-

во муштровать ограничено, в то время как солдатам было разрешено носить гражданскую одежду вне дежурства и получать почту и литературу без цензуры.

Следующий шаг по демократизации армии был принят Временным правительством, которое учредило комиссию под начальством бывшего военного министра генерала А. А. Поливанова, чтобы определить ход дальнейших реформ. Комиссия утвердила большинство реформ, предложенных Советом. Чтобы легче провести их в жизнь, правительство устроило чистку Верховного командования: за несколько недель 150 офицеров оправились в отставку. Чистка имела сомнительные результаты: министерство уволило неспособных и тех, кто не желал сотрудничать с новым правительством, но в то же время Ставка (штаб главнокомандующего) и командующие фронтами провели свои чистки. Часто генералы и полковники увольнялись за то, что имели дружеские отношения с солдатскими комитетами, и Ставка считала их подхалимами. Нужно признать, что состав офицерского корпуса после чистки остался практически таким же, как и был до этого.

В поисках панацеи серьезные изменения произошли и в Верховном командовании. До того как царь отрекся от престола, Верховным главнокомандующим был великий князь Николай Николаевич, но, так как революция в Петрограде приняла радикальный поворот, стало очевидно, что ему невозможно оставаться на своем прежнем посту. При сло-

жившихся обстоятельствах премьер-министр Львов попросил Алексеева взять на себя эти обязанности, которые и так фактически он и выполнял. Алексеев согласился без энтузиазма: у него было плохо со здоровьем, он оценивал ситуацию реально и был настроен пессимистично. Временное правительство назначило генерала А. И. Деникина⁹ начальником штаба, что сильно оскорбило Алексеева, так как решение приняли, не посоветовавшись с ним.

Несмотря на такое невпечатляющее начало, Алексеев и Деникин понравились друг другу и хорошо сработались. Деникин желал лишь одного: чтобы Верховный главнокомандующий чувствовал всю ответственность за своих подчиненных.

Корнилов считал свое назначение командующим Петро-

⁹ Антон Иванович Деникин родился во Влоцлавеке, в польской провинции, в 1872 г. Его отец, Иван Ефимович, родился крепостным и сдан своим хозяином в рекруты в возрасте 27 лет. Остаток своей жизни он провел в армии, где научился читать, писать, а со временем стал офицером. Хотя он провел 43 года в Польше и женился на полячке, говорившей лишь на ломаном русском, Иван Ефимович так и не выучил польский. Молодой Антон Иванович страстно отождествлял себя с отцом, с православием, с русской национальностью, и во времена Гражданской войны он стал одним из самых бескомпромиссных защитников единства России, не сочувствуя националистическим порывам малых народов. Антон Иванович поступил в военное училище в 1890 г. и в Академию Генерального штаба в 1895 г. Он участвовал в войне с Японией и к началу мировой войны был генералом, служившим в 8-й дивизии Брусилова. Он стал командиром Железной бригады, одной из лучших подразделений в русской армии, развернутой потом в Железную дивизию. Деникин проявил себя как отличный офицер и командир, хотя его должность не требовала принимать стратегических решений для многочисленных армий. *(Примеч. авт.)*

градским военным округом катастрофой. Ему пришлось управлять самыми дезорганизованными, недисциплинированными войсками в русской армии, где Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов имел больший авторитет, чем он. Вскоре у него произошел конфликт с одним из лидеров Совета, и он потерял его доверие. Когда в начале мая демонстранты требовали отставки Милюкова, Корнилов хотел разогнать толпу при помощи своих солдат, но Совет отменил его приказ. После этого инцидента Корнилов не захотел оставаться в Петрограде и попросил А. И. Гучкова, военного министра, перевести его. Корнилов покинул столицу с горькими воспоминаниями и твердым убеждением, что только радикальными методами можно избавиться от того, что он называл анархией. Алексеев только что освободил генерала Н. В. Рузского, командующего Северным фронтом, от его обязанностей за «подхалимство», которое он объяснил желанием Рузского тесно сотрудничать с комитетами и комиссарами. Гучков хотел, чтобы Корнилов занял место Рузского, но Алексеев был так категорически против этого назначения, что даже угрожал отставкой. Так как Алексеев знал Корнилова лишь поверхностно, его несогласие не могло носить личный характер, он просто думал, что более молодой и менее опытный генерал не будет хорошим командующим. Без сомнения, этот инцидент сделал дальнейшее сотрудничество двух генералов очень сложным. Корнилов, будучи очень тщеславным человеком, не смог забыть этого. Он

принял командование 8-й дивизией, чей командир, генерал Каледин, был уволен генералом Брусиловым, главнокомандующим Юго-Западным фронтом, за то, что отрицал демократизацию.

В начале июня Временное правительство отправило в отставку Алексеева, поставив на его место генерала Брусилова, который был более всех других генералов оптимистично настроен касательно боеспособности революционной армии. Но ни реформы правительства, ни частые изменения руководящего состава не могли задержать процесс развала армии. Дисциплина ухудшалась, и порой доходило до того, что приказы не выполнялись вообще, а количество дезертиров росло невероятно.

Плохо спланированное наступление, начавшееся 2 июля, стало важной вехой для русской армии. На активные действия частично вдохновила идея, что победа поднимет боевой дух армии. Наступление провалилось по двум причинам: из-за плохого планирования операции, но в основном из-за того, что русские солдаты отказались наступать. После незначительных успехов благодаря численному превосходству войскам вскоре пришлось отступить, и отступление это было стремительным. Временное правительство проиграло. Вместо того чтобы устранить дезорганизацию армии, новое наступление лишь усилило ее.

Отношения между солдатами и офицерами усугублялись. Старая ненависть слуг к господам, крестьян к помещикам

вылилась и на офицерство. Ни Советы, ни Временное правительство не агитировали солдат против командования; ненависть не нуждалась в этом. С первых дней революции солдаты не повиновались, а иногда и убивали своих офицеров, таких случаев становилось все больше и больше. Солдаты – крестьяне в форме – видели в своих начальниках уменьшенные копии эксплуататоров, сторонников ужасной войны, препятствие революции, которая должна принести избавление от страданий. Офицеров воспринимали как контрреволюционеров даже до того, как они стали отрицать цели и задачи революции. При таких обстоятельствах большевикам не стоило труда убедить солдат в том, что их командиры хотят возрождения монархии.

Как офицеры могли бороться с этим? Как они могли защитить себя? Чтобы обвинить невежество крестьян, неспособность царя управлять войной, которая принесла столько горечи и страдания России, требовалось четкое понимание сложной политической ситуации и почти святое мученическое принятие несправедливой ненависти солдат. Вместо этого офицеры возложили ответственность за все свои проблемы на Временное правительство и Советы.

Это было нечестно, так как «революционные демократы» были заинтересованы в сохранении армии. Это правда, что идея социализма не сработала, и только идеалисты с абсолютным непониманием армии и войны могли думать, что это сработает. Эти люди хотели заслужить доверие солдат, удо-

влетворив некоторые их требования. Но сказать, что такие методы были непрактичны, не то же самое, что сказать, будто у офицеров было лучшее решение. Насильственный метод, используемый офицерами с самого начала, был таким же нереальным, как и выполнение требований солдат. Так как если бы офицерам удалось заставить солдат выполнять приказы с самого начала, то Февральская революция не случилась бы. Заблуждения и метания офицерства стали более понятны благодаря делу Корнилова: когда насилие дает такой же маленький результат, как и социалистическая агитация, когда некоторые офицеры последовали за ним, но этого оказалось недостаточно.

Для социалистов революция была настолько важна, насколько была важна победа в войне. Но для двух этих целей нужно было предпринять разные шаги, а социалисты не могли определить приоритеты. Офицеры не понимали дилемму социалистов, для них все, что противоречило интересам войны, считалось предательством. С их точки зрения, позиция большевиков имела столько же смысла, сколько и позиция Керенского. Брусилов писал:

«Я могу понять отношение большевиков, когда они говорят „конец войне“, „мир сразу и за любую цену“, но я не понимаю тактику социалистов-революционеров и меньшевиков, которые, с одной стороны, хотят уничтожить армию, так как боятся угрозы контрреволюции, что говорит об их

непонимании менталитета войск, а с другой – хотя бы удачного исхода войны».

Сходство во взглядах офицеров и большевиков стало тем фактом, что многие офицеры императорской армии, среди них генерал Брусилов, считали приемлемым присоединиться к Красной армии во время Гражданской войны. После Октябрьской революции многие офицеры стали относиться к большевизму как к угрозе будущему России и в результате присоединились к Белому движению; но, даже сражаясь с армией Ленина, у некоторых из них не развилась ненависть к Ленину и его товарищам. И когда генерал Алексеев написал Брюсу Локкарту весной 1918 года, что он скорее будет сотрудничать с Лениным, чем с Савинковым и Керенским, это не было просто словами.

В революционной обстановке 1917 года было совершенно естественно, что офицеры решили создать свою группу давления; они оказались медлительнее всех остальных группировок из-за того, что действия Совета походили на методы «революционной демократии». Необходимость согласованности действий становилась все более и более очевидной. Она вылилась в национальную офицерскую организацию, что впоследствии превратилось в постоянный институт. Казаки, георгиевские кавалеры и пленные, сбежавшие из вражеских лагерей, также входили в эту группу. Во времена мятежа Корнилова все эти организации его поддерживали, позднее они все сыграли большую роль в формирова-

нии Добровольческой армии.

В 1917 году офицеры еще не стали контрреволюционерами, так как не хотели полного возвращения к самодержавию, они лишь отрицали порядок, рожденный революцией. Примером их стали генералы, которые твердо и бескомпромиссно противостояли Временному правительству. Деникин, будущий лидер Белого движения, первый заслужил уважение политиков правительства благодаря своим стремительным действиям. В мае Деникин стал главнокомандующим Западным фронтом, затем с июля Юго-Западным. В этой должности он участвовал в совещании в Ставке всех главнокомандующих 19 июля при Керенском. Длинная речь Деникина обо всех изменениях, произошедших в армии в марте, была, возможно, самой смелой и агрессивной. Он хотел отменить основные наказания, которые были введены, не иметь дела с комиссарами, вернуть былую власть офицерам и запретить в армии политическую деятельность. Корнилов, который не смог присутствовать на этой встрече, позднее написал Деникину: «Я прочитал доклад, который вы сделали для Ставки 19 июля, с глубоким и искренним удовлетворением. Я поддерживаю этот доклад обеими руками. Я снимаю перед вами шляпу и восхищаюсь вашей твердостью и смелостью. Я твердо верю, что с помощью Всевышнего мы удачно справимся с задачей перестройки нашей дорогой армии и возвращения ее былой мощи».

Генерал Корнилов, вот кто стал великим героем разоча-

рованных офицеров. Его взлет был невероятно стремительным: он командовал 8-й дивизией в течение месяца, он возглавлял Южный фронт только десять дней и уже 19 июля заменил генерала Брусилова и стал Верховным главнокомандующим русской армией. В свете дальнейших событий поддержка, которую он получал от политиков, кажется феноменом: сначала Гучков, затем Керенский поддерживали генерала, несмотря на протест профессиональных военных. Генералы утверждали, что, даже если Корнилов обладает военным талантом, в чем они сомневались, у него никогда не будет возможности проявить себя.

Главным сторонником корниловского назначения на высокий пост был Керенский. Он осознал, что дезорганизация армии, ставшая результатом неудачных наступлений, требует немедленных действий. 19 июля на встрече Ставки ничего, кроме критики, не прозвучало. После жаркой речи Деникина Керенский пожал ему руку и сказал: «Спасибо, генерал, за вашу искреннюю речь». Факт, что Брусилов сотрудничал с революционными авторитетами, стал основной причиной его увольнения. Корнилов, с другой стороны, так как был ярким противником нового режима, казался именно тем человеком, который способен уничтожить введенные реформы. Его антипатия к политикам и его невероятная политическая наивность оказалась выгодна Керенскому, считавшему эти качества доказательством серьезности сильного человека. Керенский не боялся идей только что назначенного че-

ловека: всем было известно, что он не монархист и не хочет восстановления старого режима. Напротив, когда начали появляться разногласия, причиной их была не столько идеология, сколько глубокие предубеждения иного рода.

То, что Корнилов был неудачным выбором Керенского, стало ясно практически сразу. Ссоры начались с первого дня, Корнилов оговаривал в качестве условий много пунктов, среди которых было признание ответственности только за ним одним. Деникин, также недолюбливая Корнилова, прекрасно понимал, что это значит:

«Когда я прочитал эту телеграмму [телеграмма Корнилова Керенскому] в газете, я не сильно удивился первому условию, выполнение которого создаст очень необычную форму сюзеренитета в части Верховного командования до созыва Учредительного собрания».

Временное правительство колебалось принять решение, попросту игнорируя это требование. Но вскоре Корнилов пригрозил отправить в отставку генерала В. А. Черемисова, назначенного командующим Юго-Западным фронтом, и Керенский был уже готов принять отставку. Но был переубежден Б. В. Савинковым, эсером, помощником военного министра. Под влиянием Савинкова Керенский сдался, и Черемисов не потерял свой пост.

Корнилов появился на национальной сцене как раз тогда, когда необходимость в нем стала очень острой. Неоднородные группы общества были сильно недовольны порядком,

порожденным революцией: землевладельцы боялись потерять свои земли, владельцы заводов волновались о сохранении своих заводов, но большинство русских патриотов считали, что распространяющаяся анархия помешает стране противостоять внешним врагам. Все, кто верил, что «более глубокая революция» подвергнет Россию опасности, смотрели на Корнилова как на яркого героя войны, не связанного со старым режимом, а поэтому не дискредитированного, как на человека решительных действий. Роль символа он играл еще до того, как начал предпринимать действия против Временного правительства.

Керенский был готов принять многие требования Корнилова, так как, назначая его на высокий пост, надеялся в дальнейшем продолжить войну. Но генерал понятия не имел, с какими политическими проблемами пришлось столкнуться Временному правительству. Ему было недостаточно частичного возвращения к предреволюционному военному порядку; вместо этого он хотел полной ликвидации революционных реформ в армии. Внезапное народное признание, которым он пользовался, очень повлияло на его поведение. Он стал верить в свою миссию и в то, что может вмешиваться в невоенные материи. И что хуже всего, он сильно переоценил силы, поддерживающие его.

Только защитники Корнилова думали, что их герой разбирается в политике и политических программах. Деникин писал:

«Он, будучи суровым и прямолинейным солдатом, искренним патриотом, мало знал о людях, введенный в заблуждение правдой, лестью и долгим ожиданием того, что кто-то должен появиться. Все это вызвало в нем желание принести себя в жертву – он действительно верил в судьбоносную природу своего назначения».

Не было никого, кто бы смог давать политические советы генералу. В компании искателей приключений, которые пользовались его политической наивностью, самой яркой и пользующейся дурной славой личностью был В. С. Завойко, который продолжал играть важную роль в антураже Корнилова во время Гражданской войны. Это Завойко писал приказы Корнилова, манифесты и даже письма; он владел ярким стилем, которым генерал восхищался.

Точную дату, когда Корнилов решил предпринять попытку насильственных изменений, нельзя установить. Похоже, что примерно за неделю до первого заговора главнокомандующий решил, что необходимо подавить партию большевиков и разогнать Советы. Первое заговорщическое действие произошло 19 или 20 августа (Лукомский не помнит точную дату), когда Корнилов приказал генералу А. И. Крымову сосредоточить 3-й кавалерийский корпус в районе, с которого мог быть атакован Петроград. Лукомский цитирует Корнилова в своих мемуарах:

«Пришло время положить конец всему этому. Пора схватить немецких агентов и шпионов с

Аениным во главе, распустить Совет рабочих и солдатских депутатов и раскидать их далеко и надолго, чтобы они больше не смогли собраться вместе! Вы правы. Главной причиной моего решения переместить кавалерийский корпус – это как можно ближе приблизиться к Петрограду к концу августа. И если это демонстрация большевиков будет происходить, поступить с предателями России как они того заслуживают. Я намерен поставить во главу этой операции генерала Крымова. Я знаю, что, если возникнет такая ситуация, он не будет колебаться и вздернет всех членов Совета рабочих и солдатских депутатов. Что касается Временного правительства, я не собираюсь идти против него. Я надеюсь прийти к общему соглашению в последний момент. Но сейчас не стоит говорить об этом с кем бы то ни было, так как, если товарищ Керенский и особенно товарищ Чернов не согласятся с моим планом, все будет испорчено. Если я пойду на соглашение с Керенским и Савинковым, то смогу нанести удар по большевикам и без их согласия. Но после этого они первые будут благодарить меня за это, и появится возможность сформировать сильное правительство в России, не зависящее ни от каких предателей».

Эти слова Лукомского убивают все сомнения, что Корнилов планировал распустить Советы даже без согласия Временного правительства и, таким образом, изменить политическую систему, установленную вследствие Февральской ре-

волюции. Так как Лукомский играл видную роль в этом спектакле, он, конечно, хотел выставить Корнилова в хорошем свете. Таким образом, некоторые читают со скептицизмом о намерении Корнилова оставить Временное правительство после нанесения удачного удара. Хотя в этом есть смысл: генерал был невысокого мнения о Керенском, который после удара потерял бы всю власть. Существует доказательство, что Ставка фактически планировала убийство Керенского.

Назначив сам себя посредником между Ставкой и правительством, князь В. Н. Львов, знавший о планах Ставки, хотел помирить Керенского и Корнилова и начал переговоры с ними обоими. В штабе Корнилова он считался агентом Керенского, которым он не был, и создавал впечатление, что Керенский сдастся без борьбы. Такое мнение, конечно, было предпочтительнее с точки зрения конспирации. Львов записал требования Верховного главнокомандующего в присутствии Корнилова, чтобы представить их Керенскому. Дальнейшее способствовало росту оптимизма Корнилова в успехе его рискованного предприятия. Савинков, еще один сторонник сотрудничества между Корниловым и Керенским, вручил Верховному главнокомандующему просьбу Керенского о кавалерийском корпусе для защиты Временного правительства от большевиков. В этом случае войска Корнилова могли войти в столицу без пролития крови. В свою очередь Керенский обговорил особое условие: командование не должно быть поручено генералу Крымову. Кор-

нилов пообещал Савинкову, что войска поведет другой генерал, но, с другой стороны, не собирався снимать Крымова.

Львов представил требования Корнилова Керенскому 8 сентября. Сразу после этого между Керенским и Корниловым состоялась беседа. При этом министр-председатель подыгрывал Львову, подтверждая, что требования, которые Керенский назвал ультиматумом, на самом деле исходят от Верховного главнокомандующего.

Этой же ночью Керенский созвал заседание кабинета, на котором отправил в отставку всех министров-кадетов, чтобы обрести полную силу для подавления мятежа. Он телеграммой уволил Верховного главнокомандующего и приказал кавалерийскому корпусу,двигающемуся к Петрограду, остановить движение.

Конспираторы Ставки ощутили, что их предали. После сообщений Львова, Савинкова, после личной беседы они верили, что Керенский, осознав опасность, исходящую со стороны большевиков, захочет отдать всю власть в руки Верховного главнокомандующего без борьбы. В планы Корнилова не входило уходить в отставку, и он приказал Крымову продолжать наступление. Тем временем политики-анти-социалисты и некоторые социалисты уговаривали Керенского уйти в отставку, чтобы достичь компромисса. Керенский, рассчитывая на Советы, которые обещали ему поддержку, отказался покинуть свой пост.

Мятеж Корнилова потерпел крах невероятно быстро.

Войска, подойдя к столице, из-за подстрекательства агитаторов Советов (среди которых были большевики) просто отказались бороться; железнодорожные рабочие остановили все поезда, работники почты не передавали телеграмм Корнилова; его союзники в столице посчитали его несостоятельным и бросили его. Корнилов, должно быть, чувствовал свою ответственность за постыдный провал. Это спорный вопрос, удалось ли бы ему справиться с Советами при поддержке Временного правительства, но, безусловно, он мог сделать свое положение намного прочнее. Он взял на себя ответственность за начало Гражданской войны, когда приказал Крымову продолжать наступление, хотя было очевидно, что он столкнется с серьезным сопротивлением, к тому же корпус Крымова был слабо экипирован. Без сомнения, офицеры и часть казаков готовы были бы сражаться, если бы их герой самолично возглавил войска.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.